

БАЛЕТНЫЙ ВЕК ЛЮБИМИЦЫ ОДЕССЫ

ВЕК. В этом нет преувеличения: она действительно отметила столетие — факт уникальный в истории балета.

ЛЮБИМИЦА Одессы. И в этом тоже нет преувеличения: в тридцатые — начале пятидесятых годов минувшего столетия в нашем городе не было более любимой балерины — гастролы де-факто примы Большого театра Марины Семеновой проходили триумфально. Даже в те годы, когда танцовщица завершала свою исполнительскую деятельность. Она неизменно приносила с собой Праздник. Ее ждали, и она никогда не обманывала ожидания. Прошло более полувека после прощальных спектаклей Семеновой, но память об искусстве Балерины остается драгоценной "памятью сердца" для всех, кто имел счастье видеть ее.

Впервые она выступила в Одессе в тридцатые годы. Первая и лучшая ученица великого балетного педагога Агриппины Вагановой, Семенова успела покорить Ленинград (1925-1930 годы, проведенные в Кировском театре), Москву (в Большом театре она танцевала с 1930 года до окончания исполнительской карьеры в начале пятидесятых) и даже... в 1935-м Париж, что казалось в то время невероятным. Она первой из советских балерин выступила в столице Франции в знаменитом театре Гранд-опера. "Эксцельсиор" так откликнулся на приезд Семеновой: "Эта балерина является гордостью Советской России. Она прибыла к нам, сопровождаемая самой громкой славой. Ее репутация абсолютно заслужена. Париж с энтузиазмом отдал должное этой замечательной артистке".

Семенова танцевала здесь со знаменитым танцовщиком и балетмейстером, фаворитом С.П. Дягилева Сержем Лифарем (к слову, по происхождению украинцем, который эмигрировал в 1923 году и "вернулся" в Киев уже после кончины... международным балетным конкурсом его имени). Позднее Сергей Михайлович Лифарь вспоминал: "После того как божественная Спесивцева покинула парижскую оперу, я понял, что необходимо создавать новую французскую Жизель, но в моем распоряжении не было ни одной балерины, способной не только с блеском, а даже просто грамотно справиться с этой ролью". Лифарь обратился к А.Я. Вагановой, та рекомендовала ему Марину Семенову, которая в конце 1935 года приехала в Париж вместе с мужем дипломатом Львом Караханом. Уже во время репетиций Семенова покорила профессионалов-коллег, зрителей, прессу.

Обратила на себя внимание тем, что непривычно для "этуалей" отказалась от рекламы: "Зачем заранее говорить обо мне? Посмотрите сначала, как я станцию спектакль". Ее принимали восторженно. И публика. И пресса. Это вызвало ревнивую реакцию балетного премьера, привыкшего к первенству со времени встречи со своим всемогущим покровителем. В мемуарах он напишет о "полном провале" Семеновой в Париже.

"Доказательств" у него два. Первое: в сцене сумасшествия Жизели, бросающейся к матери, Семенова-Жизель воскликнула: "Мама!". Второе. Марина Тимофеевна согласилась принять участие в благотворительном гала-концерте, сбор от которого поступал в пенсионную кассу персонала Гранд-опера. Она выбрала для исполнения вариацию из "Баядерки". "Когда наступил вечер гала, я с ужасом увидел, что Семенова выходит на сцену в собственном костюме, который привезла из СССР... Она танцевала блестяще (! — **В. М.**), но тщетно: французское око не воспринимало старомодную мишуру. Это был полный провал". Увы, мягко говоря, премьер был несправедлив.

Вот фрагменты парижских отзывов 1935 года.

"Ее имя рядом с именами Павловой и Спесивцевой" ("Попюлер"). "Гром аплодисментов... Аплодировали все, противники (в основном, эмигранты. — **В. М.**) и друзья. Было очевидно: Париж признал Семенову!" ("Ла пти паризьен"). Вот такой "полный провал".

Еще несколько откликов на выступления Семеновой в Париже. "Ее танец безупречен". "Сцена безумия (именно она! — **В. М.**) — шедевр" ("Ля трибюн де ля данс"). "Казалось невозможным так счастливо соединить искусство пантомимы с гением танца". "Ее искусство интернационально, ее поэзия универсальна. Она несет прекрасную мечту всему миру" ("**Фам**").

Известный художник Михаил Ларионов сказал, что по технике Семенова "не уступает Павловой. Игра Семеновой была шедевром... Балерина исключительно музыкальна, ее танец всегда в абсолютной гармонии с музыкой. Не все поняли ее. Речь идет о конфликте между двумя тенденциями: академическом классицизмом (он имеет в виду классику. — **В. М.**) и классицизмом новым, реалистическим... Исполнение Лифаря продиктовано академическим классицизмом, который можно определить как школьный. Что же касается Семеновой, то она воплощает новые хореографические тенденции".

Можно было бы привести еще немало свидетельств высокого признания искусства Балерины в Париже... Но вернемся к Лифарю. Он говорит о своем бисировании, но забывает сказать о бисировании Семеновой первой же вариации "Жизели" и настойчивых требованиях публики повторить другие фрагменты, что балерине сделать попросту не дали.

Всего Семенова станцевала в Париже три "Жизели", приняла участие в четырех программах, включавших отрывки из "Лебединого озера" и "Спящей красавицы", "Шопениану", Вариацию из "Баядерки", "Лезгинку" Долидзе.

Справедливости ради нужно сказать, что у Лифаря можно найти кроме утверждений о "полном провале" и признание Балерины: "Если классический танец — основа искусства Семеновой, и техника не имеет от нее секретов, то все же наибольшая оригинальность этой молодой женщины — огромная драматическая насыщенность, которой наполнена каждая ее роль" ("Комедиа"). Подлинный профессионал не может не оценить профессионализм коллеги, несмотря на ревность и прочие привходящие обстоятельства. И тем не менее, тогда в Париже между артистами возникла размолвка. (Лишь 43 года спустя в Ленинграде на приеме в честь Сергея Михайловича балетмейстер Лифарь и прославленный педагог Семенова обнялись и расцеловались — то было "запоздалое, но счастливое примирение".)

Вот такая Балерина стала желанным, любимым гастролером Одесского театра оперы и балета. В силу естественной (возрастной) причины я не мог видеть Марину Тимофеевну до войны, но во время работы над книгой по двухвековой истории Городского театра я познакомился с одним из старейших театралов Одессы кандидатом А.В. Хомутовым, который восторженно вспоминал семеновские спектакли тридцатых годов. "Обычно это были "Лебединое" и "Спящая", где она танцевала со своими московскими партнерами. 10 мая 1941 года Марина Тимофеевна выступила на нашей сцене в "Эсмеральде" (она очень любила этот балет, но в Большом театре она исполнила любимую партию лишь... два раза. — **В. М.**). Феба танцевал одесский премьер В. Лесневский. Отличный партнер, он очень понравился требовательной Семеновой. Она сказала, что с удовольствием работала бы с ним и в Москве... После окончания "Эсмеральды" на сцену хлынул цветочный дождь — красные пионы и от зрителей, и от... участников представления. Цветы сплошь покрыли планшет сцены... Зрелище незабываемое... Позднее мне подумалось: может быть, люди интуитивно предчувствовали, что это последняя встреча с прекрасной балериной перед долгой разлукой".

Марина Тимофеевна приедет в Одессу через семь лет. С конца сороковых и до начала пятидесятых она будет приезжать в наш город ежесезонно. Нередко — не один раз в течение одного сезона. Часто по требованию публики гастролы продлевались. Она танцевала в балетах Чайковского, в "Раймонде" и в любимой "Эсмеральде". В ее искусстве органично сливались высокая классика истинно балеринского танца и драматическое мастерство подлинной актрисы.

Семенова была удивительной артисткой. Нетанцевальная сцена шестивия на казнь Эсмеральды — вроде бы простой проход, но исполненный пластического совершенства, он производил глубочайшее впечатление. В глазах у многих стояли слезы... Овации, крики "браво", море цветов...

Семенову трогательно любили зрители. Помню, как однажды откладывалось начало спектакля с ее участием. Зрителям объявили, что самолет из Москвы задерживается. Никто не ушел, никто не выразил недовольства — все терпеливо ждали около часа. Я прогуливался в фойе партера и вдруг увидел своего кумира: Семенову привезли к главному входу. Она, "как мимолетное видение", пролетела мимо меня по направлению к кулисам. Эта, в сущности, мелочь осталась со мной навсегда...

На последней в Одессе семеновской "Спящей красавице" я испытал потрясение и впервые в жизни позволил себе (впрочем, не раздумывая) ворваться за кулисы. Наша богиня была предельно уставшей, она грузно опиралась на партнера, стараясь восстановить дыхание. Потом кивком головы разрешила режиссеру, ведущему спектакль, открыть занавес, и буквально выпорхнула к зрителям, продолжавшим вызывать ее... Сама грация, элегантность и очарование.

В самом конце за закрытым занавесом она поблагодарила кордебалет... Это было трогательно.

Пройдут годы. Я случайно познакомлюсь с артисткой балета нашего театра Тamarой Александровной Авалиани, женой ректора гидрометеорологического института Кобуса. Имя Авалиани было хорошо знакомо театралам: на афишах (вплоть до начала восьмидесятых годов) указывались не только имена исполнителей всех "первых сюжетов", но и артистов кордебалета, перечень которых неизменно начинался этой балериной: Авалиани, Беленькая и т. д.

Узнал, что она была знакома с Мариной Тимофеевной, принимала ее у себя на даче. Вот несколько бытовых наблюдений одесской танцовщицы. Тамара Александровна удивилась, когда увидела, что Марина Тимофеевна с удовольствием и много ест, во всяком случае, явно больше, чем может себе позволить балерина. Вскоре все прозаически разъяснилось: Марина Тимофеевна тайком освободилась от съеденного, почти раблезиански объяснив, что и удовольствие получила, и минимальный вред принесла организму...

По воспоминанию Тамары Александровны, после одного из последних спектаклей Семенова извинилась перед его участниками: "Извините, девочки. Запоролла диагональ — танцевала на нужник в переносном и прямом смысле". Оказалось, что она строит дачу, а на туалет денег не хватило...

С этой дачей связан еще один эпизод. Когда Марина Тимофеевна была в отъезде, дача загорелась. На вокзале Семенова с тревогой спросила у встречавших: "Что случилось?". Они мялись, отнекивались. Семенова строго потребовала ответить на свой вопрос. Услышав правду, сказала: "Слава Богу, что дача горела! А то я уже подумала, что с кем-то из родных случилось несчастье".

Она была прямым и резким человеком. О людях судила не по регалиям, а "по гамбургскому счету". Ее побаивались, но уважали. К ее мнению неизменно прислушивались.

Почти никого не пощадившая на страницах своей книги "Я, Майя..." Плисецкая пишет: "На вопрос, кто из балерин на вершине балетного Олимпа, я всю жизнь отвечаю — Семенова, Уланова, Шелест". Семенова на первом месте, хотя некоторые награды она получила очень поздно, а иные и вовсе не нашли ее. Так, народной Союза она стала в 67 лет, спустя около четверти века, после того как покинула сцену. Высшей премии в СССР — Ленинской — не была удостоена... Ее соученица по вагановскому классу Г.С. Уланова, "великая молчальница", получила все мыслимые награды. Балерин пытались "стравливать". Вспоминает Майя Михайловна: "Кто-то перечислял природные изъяны Галины Сергеевны (опускаю их перечень. — **В. М.**). И вдруг Семенова, сама судья злющая и уничижительная, но иногда справедливая, отпарировала: "Галька легкая, а это тоже техника".

Действительно, воздушность танца Улановой была уникальной. Одеситы могли судить об этом по ее единственному спектаклю в нашем театре в 1949 году (это был "Бахчисарайский фонтан"). А сравнивать Уланову у нас было с кем: почти все знаменитые балерины того времени выступали на одесской сцене. Вспомню только для примера высококлассных "техничек" Лепешинскую (Ольга Васильевна могла легко делать не только 32 знаменитых фуэте, но и — на репетиции — 64!), Дудинскую (у этой воспитанницы Вагановой, по признанию самой Агриппины Яковлевны, была самая высокая из всех ее учениц танцевальная техника).

...Майя Плисецкая страдала из-за того, что ее долго не выпускали на гастроль, как теперь сказали бы, "в дальнее зарубежье", ощущая свою ущербность. Марина Тимофеевна однажды так ободрила ее: "Терпи, девка, мне хуже было. Под домашним арестом сидеть дома пострашнее. Танцевать не давали". Дело в том, что как "изменник Родины" в 1937 году был расстрелян ее муж, тогда посол СССР в Анкаре Лев Карахан. Эта трагедия отозвалась и на всей дальнейшей жизни Балерины, и на ее творчестве. У нее было мало спектаклей, почти не было премьер, достойных таланта,

новых ролей. Так, Золушку она станцевала в третьем составе (после Улановой и Лепешинской). Но автор музыки С.С. Прокофьев, увидев Семенову в своем балете, сказал: "Вот такой я слышал Золушку!". Сочиняя музыку, Сергей Сергеевич представлял себе семеновскую героиню! Оценка тем более значимая, что композитор был удовлетворен ее предшественницами.

И еще: Семенову очень мало, непростительно мало снимали. По сути, ее искусство осталось не зафиксированным в движении. Остались фотографии — остановленные мгновения, но и их число невелико... Тем важнее свидетельства современников.

Плисецкая писала: "У Сееновой был гипноз присутствия на сцене. Когда она выходила, никого больше не существовало... Она была крепостной, но с царственной статью... Танцевала ослепительно... У нее бывали волшебные спектакли, я их застала".

Я старался не пропускать одесские выступления Сееновой, с радостью отдавая себя в "сладкий плен" великой Балерины. Не мог тогда точно сформулировать ощущения, но, вспоминая спектакли Марины Тимофеевны, соглашаюсь с Майей Михайловной в оценке сценического бытия Сееновой (хотя с некоторыми оценками характера Марины Тимофеевны Майей Плисецкой мне трудно согласиться). И еще хочется сделать небольшое уточнение. Да, появляясь на сцене, Марина Тимофеевна приковывала к себе внимание, но в лучах ее таланта не меркли другие исполнители. Так, в "Эсмеральде", например, достойно именитой коллеги выглядели Екатерина Русинова в роли Флер де Лис (в этом году Екатерина Александровна должна отметить 90-летие), Алла Рындина — Диана, Николай Егоров — Актеон, Анатолий Данченко — Пьер Гренгуар, и другие артисты нашей балетной труппы.

Плисецкая о Сееновой: "Вот бы кому сыграть Екатерину Великую". Не случилось. Как и многое другое. Но символично, что последней партией Марины Тимофеевны в Большом театре стала Царица бала в "Медном всаднике" Глиэра. Неважно, что роль была не центральная. Сеенова всегда оставалась Царицей, в любой роли, в любом спектакле. Одна из статей о ней точно называлась "Царица балета".

Оставив сцену, Марина Тимофеевна, естественно, сосредоточилась на педагогической деятельности. Среди ее учениц Лепешинская (в самом конце минувшего года Ольга Васильевна ушла из жизни; наверное, нужно упомянуть концерты этой выдающейся балерины в Одессе в 1950-м году), Плисецкая, Карельская, Кондратьева, Бессмертнова, Сорокина, Адырхаева (Светлана Дзантемировна два сезона танцевала в Одессе, оставив яркое

впечатление), Тимофеева, Павлова, Семеняка, Степаненко и многие другие, в числе которых одесситка Наталья Барышева, которая, будучи ведущей балериной одесского театра, прошла у великой Балерины Школу высшего мастерства, заново сделал с ней основные классические партии.

Свою педагогическую деятельность Семенова завершила уже в новом столетии. Среди ее последних учеников, между прочим, был один из "королей танца" Николай Цискаридзе.

Недооцененная официально, Марина Семенова в сознании многих профессионалов и почитателей балета всегда оставалась "балериной и педагогом номер один". Ее чтили, к ней стремились... 1985 год. Представление членов жюри Международного московского конкурса артистов балета. При упоминании имени Семеновой зал разразился продолжительной бурной овацией, восторженными криками "браво". Фактически это был вызов, протест против умолчания и недооценки творчества, деятельности Балерины.

Какой мы помним Семенову? Свободное владение классическим танцем, органичное обновление традиций, полнокровная жизнь тела и духа, тесное единение со зрителями.

В 2008-м году исполнилось *сто* лет великой Семеновой. Большой театр провел фестиваль в честь Балерины, которая — в силу понятных причин — не смогла присутствовать на спектаклях ("Лебединое озеро", "Раймонда", "Баядерка") и концерте "Семенова-гала". В ее честь танцевали лучшие солисты Большого и Мариинки. Почитатели балета счастливы, что она дожила до такого Праздника танца. В этом есть высшая справедливость. Хочется надеяться, что Марина Тимофеевна видела по телевидению приношения ее Таланту и Личности.

Журнал "Музыкальная жизнь" в дни юбилея писал: "Если бы Микеланджело ваял образ Терпсихоры XX века, то, думается, именно Семенова стала бы его моделью". Трудно не согласиться. Счастлив, что видел ее, повелительницу сердец, что ее искусство формировало критерии восприятия Танца. И наконец, небольшое уточнение: она была любимицей Одессы. И навсегда останется ею в восприятии всех, кто имел счастье видеть ее. И останется ею — имя Семеновой вписано в историю культурной Одессы.

Как и в историю мирового балета.

